

Ласючка

Е. Педорова

Екатерина Фёдорова

Находка

<https://litres.ru/73990988>

SelfPub; 2026

Аннотация

Офис — это клетка, где Юра годами хоронил себя в отчетах, забыв о мечтах и о самом себе. Но смерть отца становится точкой невозврата, а оставленная им находка — ключом, который заставляет Юру выйти за пределы серого, безопасного купола.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

4

9

Екатерина Фёдорова

Находка

*Не осталось никого, кто бы помнил
голос твой*

Не осталось никого, все укрылись за стеной
<i> Кирилл Коперник, Paella — «Последние
минуты»</i> <i>(Использовано с разрешения
правообладателей. </i><i>Авторские права сохранены
за создателями).</i>

Запихнув в рот кусок сухой вафли и запив его обжигающей сладкой бурдой, Юра схватил со стола пластиковый контейнер с едой. В прихожей он кое-как сунул его в сумку, натянул заезженные кроссовки и выбежал из квартиры, на ходу сражаясь с заедающей молнией куртки. На вешалке так и висела старая отцовская фуфайка. Юра на секунду замер, глядя на нее, и колючая тоска привычно сжала грудь.

В душный вагон метро Юра влетел последним, едва не зажатый автоматическими дверьми. На настенном табло равнодушно высвечивались красные цифры: «7:20». Успеет. Вопреки всему, теплилась надежда: сегодня он получит этот отпуск. Офис встретил привычной утренней какофонией: треском принтеров, горами неразобранных бумаг на столах

и забытыми со вчерашнего дня стаканчиками от кофе. Юра еще не успел снять куртку, как раздался сухой голос секретаря:

— Жуковский, зайдите к руководству. Срочно.

В кабинете воздух был тяжелым, пропитанным дорогим парфюмом и застарелым алкоголем. Здесь, среди золоченых рамок и кожаного дивана, Юра в своей дешевой рубашке в черную полоску выглядел инородно.

— Вы хотели отпуск? — Шеф, не оборачиваясь, направился к креслу. — Юрий Самуилович, сейчас нам позарез нужны такие вьедливые сотрудники, как вы. Отчет, аудит, проверки... Я не могу ни на кого положиться.

Он грузно опустился в кресло, вальяжно закинув ногу на ногу. Юра лишь крепче сжал папку с документами. Интересно, скольким коллегам из отдела шеф уже отказал в этом месяце с той же самой самодовольной миной?

— Я выпишу вам премию.

— У меня действительно важные дела, — тихо, но твердо перебил Юра. — Я бы просто так не просил.

— Дела компании в приоритете, Юрий Самуилович. Неужели личное не может подождать?

— Похороны могут подождать?

Холеное лицо шефа в секунду стало непроницаемым, как каменная маска. Он демонстративно отвернулся и уставился в широкое панорамное окно. Вид за стеклом был, конечно, не из лучших: серые промышленные зоны, сетка проводов и

нагромождение безликих многоэтажек. Но Энск мог предложить только такой пейзаж.

— Кого хороните? — сухо произнес шеф.

— Отца.

Он едва заметно кивнул, скользнул ручкой по бумаге, размашисто подписал приказ и с тяжелым стуком опустил печать. Юра смотрел на этот синеватый штамп и прекрасно понимал, что проиграл эту схватку. Систему не переиграть. Наверняка сразу после похорон, когда он вернется, на него со злорадным упоением свалят двойной объем работы. Коротким, едва заметным жестом показав Юре, что тот свободен, шеф снова перевел равнодушный взгляд на медленно просыпающийся Энск.

Юра вернулся к монитору, но так и не смог снять куртку. Какая ирония. Когда-то он верил в законы квантовой механики, грезил цепными реакциями и расщеплением ядер. Он хотел изучать само сердце вселенной. Но реальность Энска щелкнула его по носу. Когда отец начал пить, а матери потребовались лекарства, Юра выбрал стабильность. Вместо моделирования синтеза он изо дня в день наблюдал, как дебет пожирает кредит, превращая его амбиции в офисный шлак. Его собственное время распадалось на бесполезные изотопы, утекая сквозь пальцы. Юра панически боялся подвести руководство. Но отца подвести смог. Он не навещал его больше полугода, прикрываясь дедлайнами.

Юра свернул все рабочие вкладки, заблокировал компью-

тер и поднялся. Коллеги по кабинету провожали его удивленными взглядами. Снаружи Энск встретил его мелкой, унылой изморосью. Юра поехал на вокзал, опаздывая на целую вечность. Два часа в гроыхающей пригородной электричке показались ему сплошным серым маревом, где стук колес до долей секунды отсчитывал ритм его застарелой вины.

Дом встретил его запахом валерьянки, сырого дерева и дешевых поминальных свечей.

Юра сел на скрипучий стул рядом с матерью. Она выглядела ужасно: бледное лицо за эти дни совсем осунулось и потемнело, руки мелко и беспрестанно дрожали, комкая мокрый носовой платок, а глаза опухли от непрекращающихся слез.

— Он просил передать это тебе, — шепнула мать и пихнула ему в руку сложенную вчетверо записку, едва Юра опустился на скрипучий стул рядом с ней.

Сжав клочок бумаги в кулаке, он посмотрел на нее. Бледное лицо матери за последние дни страшно осунулось, вокруг губ залегли глубокие, резкие тени. Тонкие пальцы, державшие серый носовой платок, мелко и непрерывно дрожали; покрасневшие глаза распухли от слез. Мать мотала головой, повторяя: не успела. Не уберегла. Чести ради, Юра понимал: отец и сам себя спасти не мог. В последние годы их жизнь напоминала затяжное пике.

На городском кладбище, продуваемом всеми ветрами, было невыносимо холодно. Сырость пробиралась под одежду. Юра стоял, вцепившись в плечи матери, и слушал. Самым страшным в этот день был не холод, а звук: глухие удары комьев влажной земли о крышку гроба. Этот ритмичный стук ставил жирную точку в их общей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.